

антропологии (этнографии), психологии, языкознания, истории и социологии. При этом цель движения — исключение из общественной практики всех видов насилия над женщинами, в том числе и «невидимого миру» духовного, психологического. В нашей стране даже трудно представить себе, какое разнообразие гипотез, объяснений и путей решения этой проблемы предлагают различные течения феминизма. Например, радикальный феминизм даже гетеросексуальную модель половых отношений считает в какой-то мере навязанной людям традицией идеализации, приукрашивания, романтизации любви между мужчиной и женщиной, тогда как в жизни такая модель нередко разочаровывает как женщин, так и мужчин, и многие, если бы не боязнь общественного отвержения, предпочли бы одинокое существование или однополую любовь. А объяснение в духе психоанализа скрытого или явного антагонистического отношения к женщинам выводит последнее из факта полной зависимости ребенка (не важно, какого пола) от матери, зависимости, сопровождающейся чувствами любви / ненависти / страха и проецирующей противоречивый образ матери на всю женскую половину человечества.

Одно из направлений моего интереса — это проявление половой дифференциации и иерархизации в языке. В английском и других европейских языках женские имена, например, часто представляют собой феминизации мужских: Роберта, Генриетта, Шарлотта. Автомобили и пушки (традиционно мужская собственность) в разговорной или шуточной речи — это Бетти, Берта, Бетси. А почему не Джон или Дуглас? Почему жену Джона Джонсона называют миссис Джон Джонс, а не ее собственным именем — миссис Энн Джонс? Как, если для обобщенного обозначения вида имеется слово мужского рода «человек», избежать ассоциации этого вида только с женщиной? Я не случайно в начале статьи подчеркнула трудность индикации в русском языке пола в названиях некоторых профессий — вернее, пол указывается (или навязывается восприятию) грамматическим родом слов, но всегда только мужской: врач, инженер, геолог, этнограф и т. д. Феминисты первыми призвали преодолевать подобные дискриминирующие особенности языков, т. е. сознательно вводить в речь указания на оба пола при употреблении собирательных обозначений людей и в других аналогичных ситуациях. На Западе существует уже множество специальных словарей и справочников, разрабатывающих такой стиль речи.

Я знаю, что мы только начинаем приобщаться к подобного рода знаниям, и многое в этой области кажется нам по меньшей мере экзотичным, кое-что — вообще неприемлемым. Так же было и в США 30 лет назад, зато теперь благодаря активности феминисток и феминистов американцы уже находятся за той чертой, которая отделяет общество, глухое к голосу женщин, от общества, не побоюсь сказать, серьезно борющегося (с предрассудками и косными социальными установлениями) за равноправное положение истинно, от природы равных половин рода человеческого. Урок для нас!

© 1994 г., ЭО, № 5

Н. Н. Кулакова

ФЕМИНИЗМ И ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ ВОЙНЫ И МИРА В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Выбор для изучения в данной статье именно феминистского подхода к вопросам войны и мира в море американской литературы, конечно же, не случаен. Изучая проблематику той области общественных наук, которая на Западе называется *peace studies*, я довольно долго блуждала в поисках

конкретной темы, которая была бы и лично мне интересна, и близка к антропологии, и познавательна для отечественного читателя. Поездки в Соединенные Штаты Америки, с которых, собственно, и началась моя работа в области peace studies, показали мне, насколько влиятелен в жизни западного общества феминизм как интеллектуальное и социальное движение, насколько широк спектр проблем, принадлежащих различным научным дисциплинам, которые вобрал в себя (или пропустил через себя) феминизм. С другой стороны, наша широкая читательская аудитория едва ли представляет себе, что феминизм есть нечто помимо открыто выражаемого антагонизма женщин по отношению к мужчинам и женских попыток уподобиться «сильному полу» в физической мощи и в житейском поведении. Нелегко нам поверить и в то, что феминизм действительно повлиял на моральный климат в западном обществе, которое уже не может игнорировать добытые феминистками знания и одержанные с их помощью победы в борьбе за социальные преобразования.

Мне хотелось бы в данной статье познакомить читателей с некоторыми из основных концепций феминизма и показать, как они преломляются в проблематике войны и мира в работах нескольких известных исследователей. Современное изучение войны и мира носит по преимуществу комплексный характер: политологические исследования в поисках причин войн анализируют отношения между государствами, в частности национальными, и классами внутри них, конкуренцию в приобретении природных ресурсов, борьбу идеологий и т. п.; этнографические исследования различают, главным образом, среди «отставших в своем развитии» народов «мирные» и «воинственные», и пытаются определить закономерности жизни без войн; психология изучает связанные с войной эмоции и состояния людей; культурная антропология раскрывает смысл конфликтов через раскрытие бытующих в общественном сознании и практике ценностей, символов, моделей поведения и т. д. и т. п. Под влиянием феминизма в изучение вопросов войны и мира вошел новый аспект: исследователи полоролевых (так примерно передается адекватное значение термина «gender» — «пол», но пол не просто анатомический, а скорее социально-функциональный, получающего распространение в русском языке в форме транслитерации — гендер; это же слово означает грамматический род) социальных отношений рассматривают войну как феномен, поддерживаемый, среди прочего, воспроизводимыми культурой и вместе с культурой принципами полосоциального деления. Для феминистских антропологических исследований эта проблематика оказалась близка тесной ассоциацией этих обоих состояний общества — войны и мира — с созданными культурой образами и ролями мужчин и женщин. Именно гендерные исследования военной проблематики выдвинули на первый план и углубили изучение традиционной европейско-азиатской культурной дихотомии: женщина — хранительница домашнего очага, дарительница жизни / мужчина — воин, защитник, истребитель врага.

Отсюда широкий круг взаимосвязанных аспектов исследования: место войны в социально-культурной системе современного общества, представляемого как состоящее не из абстрактных граждан, а из граждан — мужчин и женщин; война как референт при формировании половой идентификации членов общества, «маскулинной» и «фемининной» личности; сексуальность и война; роль жестких дихотомий вообще и в полоролевой сфере в частности, в сохранении войны в общественной практике; образы женщин и мужчин в искусстве, литературе о войне; женщина, мужчина и война в различных философских системах и другие.

Определение научной литературы как гендерной не всегда отражает принадлежность авторов к феминистскому движению, но говорит, однако, о ее вполне конкретной мировоззренческой, методологической установке — разграничении «перспективы» в подходе к изучаемому материалу на мужскую

и женскую (т. е. осознание и показ различий в социальном опыте мужчин и женщин). Не все ученые, чьи работы касаются проблем пола и общества, полностью разделяют концепции разных направлений феминизма, но «вначале», у истоков многих современных «полосознающих» исследований по различным, причем не только гуманитарным, дисциплинам был именно феминизм с его практической направленностью на искоренение неравноправия женщин в обществе.

За последние 5—10 лет именно полоролевые отношения (gender relations) в обществе оказались в центре феминистского теоретического, т. е. опирающегося на широкий философский контекст, мышления, включив в себя, но не исчерпываясь им, традиционный феминистский аспект — анализ социальной ситуации женщин в условиях почти тотального доминирования мужчин в обществе. Для традиционной феминистской теории, уже в течение нескольких десятков лет разрабатывающей этот аспект, характерен подход к полу как к простому природному факту, определяющему многие существующие в обществе отношения. Этот подход в какой-то степени определяет наличествующий в феминизме элемент прескриптивности, нормативности (который проявляется иногда даже в некоторой воинственности, как у «радикальных» феминистов) и антиисторизма. Философский же феминизм, по выражению американского философа Джейн Флэкс¹, «проблематизировал» пол, усомнившись в верности обыденных представлений о полоролевом разделении человечества. Историко-культурологический анализ общества, сделанный феминистами, фокусирует внимание на том, что теми мужчинами и женщинами — членами общества, которыми мы являемся, мы становимся не только от рождения, а в результате воздействия на нас в ходе социализации сформированных данной культурой образов мужчины и женщины с соответствующими ценностями, поведением, социальными ролями и отношениями. То, что лидирующей, обладающей властью и авторитетом фигурой в обществе стал мужчина, а женщина оказалась на непрестижных ролях, есть частный случай проявления и результат действия определенной культурной идеологии, а именно иерархизации социальной структуры и ценностей и поддержания этой иерархии с помощью принуждения. Такой вывод необходимо выходит за рамки проблемы женского угнетения и обогащает социологию в целом. Феминисты пытаются пересмотреть многие социальные проблемы, «вписав» гендерные отношения в систему определяющих эти проблемы факторов, изменяя тем самым и конфигурацию самой системы.

Феминизм и другие выделяющиеся современные интеллектуальные движения — психоанализ и постмодернистская философия вплотную подошли к переосмыслению ряда концепций и убеждений, на которых покоится западная культура и которые утвердились еще в эпоху Просвещения. Переосмысление это носит характер скрупулезного анализа, «деконструкции», пользуясь распространенным выражением, а не просто нахождения этим концепциям места в изменившейся за три века социальной действительности. Речь идет, например, о представлении об изначальной цельности человеческого «я» и принадлежащем ему разуму, независимом от случайностей брэнного существования и способном при «правильном» применении дать объективные и истинные знания о природе и человеке. Со способностью «правильно» использовать разум и подчиняться открытым им универсальным законам природы связывается понятие свободы и автономности личности, а также авторитета, которые должны принадлежать, согласно идеям Просвещения и предыдущих эпох, именно тем, кто обладает «истинным» знанием, полученным с помощью рационального мышления.

Феминистские философы, проделав анализ эволюции представлений о женщинах в философской мысли от античности до современности, показали, что женщины, согласно взглядам всех философов прошлого, не включаются в категорию тех, кто способен к рациональному мышлению и свободе. Платон и Аристотель ставили женщин в один ряд с рабами, которым не доступен

идеал свободы. Кант считал женщин не способными к действиям, основанными на принципах, т. е. к моральным поступкам, и, следовательно, не отвечающими философскому идеалу человека. С Руссо начало утверждаться представление о женских качествах и достоинствах, каковыми считались нежность, отзывчивость, покорность, верность, умение быть приятными, как дополнительных по отношению к мужским — рационализму, силе, способности к «государственной» деятельности; при этом женщины ставились на второе место как не совсем полноправные граждане государства или как объекты идеализации, сопряженной с их пониженной социальной ценностью².

Такое положение сохраняется и поныне, что показали многочисленные антропологические, социологические, философские работы феминистской направленности. Но вопрос о различиях между мужчинами и женщинами далеко не однозначен и имеет континуум трактовок от биологического детерминизма до социального. Это и есть один из основных вопросов гендерных исследований, получающий то или иное толкование в различных направлениях феминизма.

Что касается проблемы войны и мира, то феминизм, как уже говорилось, пытается показать сопряженность милитаризма с существующими гендерными отношениями.

Разделение общественных сфер на женскую и мужскую, разделение видов деятельности на мужские и женские представляется нынешнему обществу само собой разумеющимся: это часть освященного традицией жизненного «порядка», в понятие о котором входит еще очень многое, в том числе существование национальных государств и соблюдение государственных интересов. Среди последних едва ли не наиважнейшим считается поддержание «безопасности», под которой подразумевается, вопреки широковетательной риторике, готовность вести войну с предполагаемыми противниками государства, ибо в современном обществе, где принуждение все еще остается главной связующей силой, война является самым эффективным средством достижения государственных целей. А то, что мыслится самым важным, по неписаным законам, принадлежит мужчинам: право (и обязанность) создавать законы, быть посредниками между людьми и божественными силами и вести войну. Социализация испокон веков готовила людей к различным гендерным ролям.

И, может быть, самое сильное влияние в качестве референта при формировании у индивидуумов тех личностных свойств, которые в данной культуре считаются присущими и положенными мужчинам или женщинам, оказывает именно война (причем не только и не столько какая-либо реальная война, но война как громадная часть исторического предания, война в литературе и искусстве, в воспоминаниях участников, даже в языке мирной жизни) в силу своей интенсивности как человеческого опыта, в силу своей способности актуализировать абсолютные противоположности, такие, как жизнь и смерть, обострять дихотомические противопоставления. Одна из «великих дихотомий» в культуре — мужчина/женщина — теснейшим образом связана с войной/миром, смертью/жизнью, трудом война/трудом хранительницы дома, а эти дихотомии поляризуют и представления о личностных, психологических качествах и социальных ролях мужчин и женщин.

Среди нескольких направлений феминизма существует «радикальное», называемое так потому, что оно основывается на идее глубокого и непреодолимого антагонизма между полами. Именно этот антагонизм является для радикального феминизма причиной и прообразом всех конфликтов, в том числе и войн. Активно разрабатывая проблематику женского угнетения обществом, представители этого направления абсолютизируют и универсализируют факт доминирования мужчин, считая их власть всеобъемлющей, всепроникающей и неизменно подавляющей по отношению к женщинам. Радикальные феминисты широко оперируют понятием «патриархии» — patriarchy, которым обозначают свое понимание характера, сути, стержня существующей ныне социально-политической и культурной системы — главенство мужчины,

патриарха в личной и общественной деятельности, причем главенство, откровенно ставящее женщин на социально низшие роли³.

В феминизме, и особенно в радикальном, в объяснении этого положения большое место занимают психологические теории (которые на Западе вообще прочно вошли в методологию и инструментарий гуманитарных исследований), особенно касающиеся периода раннего развития ребенка, когда в нем закладываются черты мужской или женской идентичности, в свою очередь формирующие характер и психический облик личности. Так, один из самых влиятельных авторов в феминизме Нэнси Чодороу⁴ в своих работах проводит мысль о том, что первейшим фактором в формировании половой самоидентификации является общение ребенка с ухаживающей за ним матерью. У девочек восприятие полоролевой модели происходит легче, чем у мальчиков, поскольку эта модель — находящаяся всегда рядом мать. Мальчик же должен идентифицировать себя с отцом, большую часть времени находящимся вне дома, обретающимся в престижных сферах общественного бытия. Поэтому мальчик самоутверждается путем противопоставления себя матери, отталкивания всего, что считается женским, отрицания своей зависимости от женщины и вытеснения из сознания своего раннего опыта полусимбиотических отношений с матерью. И более того, из-за полной физической и психологической зависимости от матери в детях развиваются сложные чувства по отношению к ней — смесь любви, ненависти и страха, которую, возможно, из-за этого все человечество скрыто от себя питает к женщинам вообще (имеются в виду мужчины: во многих языках слово и понятие «человечество» происходит от «человека» — особи мужского пола).

В таком же духе интерпретирует различия между мужчинами и женщинами и Бетти Реардон, которая посвятила большинство своих работ доказательству связи между сексизмом в обществе и войной (сексизмом феминисты называют идеологию и практику жесткого полоролевого деления)⁵. Помимо того, что основаны эти два явления на одном и том же — насилии, сексизм представляется автору главным препятствием к разоружению и демилитаризации общества. Однако Реардон, в отличие от некоторых феминистов, не считает сексизм первопричиной самого социального насилия, скорее она ищет источник институционализации насилия и, следовательно, сексизма в психологии личности, которая формируется под большим влиянием навязываемой индивидуумам резкой социальной разделенности полов. Эта разделенность обуславливает и саму глубокую психологическую разницу между мужчинами и женщинами, которая в свою очередь порождает проблемы и потребности, удовлетворить которые призваны именно война и сексизм, т. е. Б. Реардон выделяет именно психологию личности как то поле, где происходят конфликты, называемые политическими, культурными, экономическими, выражающие острейшие социальные проблемы, а именно: бедность, угнетение и насилие (крайним воплощением последнего выступает война). Первая и основная форма структурного насилия и угнетения, прообраз всех других форм — это угнетение женщин мужчинами, проистекающее из универсального конфликта между «Я» и вызывающим страх «Другим». Б. Реардон опирается на работы итальянского психиатра Ф. Форнари, который считает, что чувство абсолютной опасности внушает не реальный враг из плоти и крови, а сидящие в подсознании человека терроризирующие его фантазии. Стремясь избавиться от них, человек ищет физического врага, против которого и ведет войну на уничтожение⁶. При этом для Б. Реардон терроризирующие фантазии, этот «террифайер» Форнари, воплощает собой ощущение травмы, произведенной «отсечением» от личности части ее потенциальных возможностей при приучении ее к роли либо мужчины, либо женщины⁷.

Как и другие радикальные феминисты, Б. Реардон оперирует понятием «маскулинных» или «фемининных» качеств в человеке и соответствующих им ценностей и, пытаясь разрешить дилемму природного или культурного

их происхождения, делит полосьязанные ценности (т. е. ассоциирующиеся с полом) на позитивные и негативные. Позитивные ценности базируются на «подлинных», «аутентичных» атрибутах женщин и мужчин и способствуют полной реализации человеческого потенциала. Негативными Реардон считает те ценности, в основе которых лежат «искаженные» мужские или женские качества. Эти ценности подавляют развитие тех или иных возможностей человека. Именно они питают полоролевые и прочие стереотипы и дают рациональные объяснения дискриминации и угнетения, и именно такими ценностями, как фемининными, так и маскулинными, по мнению исследовательницы, в значительной мере характеризуется современное общество⁸. Однако сам вопрос «аутентичности» личностных качеств мужчин и женщин, как уже говорилось, далеко не прост, поскольку решение его в большой степени диктуется существующей в данном обществе системой гендерных отношений, в свою очередь тесно связанных с множеством других явлений.

Прямую связь между войной и полоролевым разделением, сексизмом Б. Реардон видит в параллелизме некоторых характеристик войны и психологических и поведенческих особенностей мужчин и женщин и более всего — в допущении агрессивности, вплоть до проявлений насилия, у мужчин, и в подавлении аналогичных импульсов у женщин. Поощряемые обществом в женщинах подчиненность, зависимость, пассивность представляют собой те характеристики, которые в сочетании с доминированием мужчин тоже способствуют сохранению свойственной войне идеологии господства/подчинения.

Мери Дейли, доктор теологии и философии, — одна из первых, кто в 60-е и 70-е годы обратился к анализу роли иудео-христианской религиозной традиции в поддержании системы соотношения полов в обществе. Исключительно мужская символика Бога, его инкарнация и взаимоотношений с людьми, откровенная мизогиния иудео-христианства; наконец, почитание существующего порядка вещей как воплощения «божественного», а значит «естественного» и «неизменного», порядка — все это воспроизводит и укрепляет существующую иерархию полов, против которой Мери Дейли резко выступает⁹. Ее работы не посвящены специально рассмотрению причин войны, но Дейли, как и другие феминисты, включает войну в перечень тех негативных общественных явлений, которые непосредственно, по их мнению, связываются с господством сексизма в обществе. Она называет «Самой Несвятой Троицей» знасилования, геноцид и войну¹⁰. В основе этой троицы лежит насилие. Объяснение же насилию М. Дейли находит в обусловленном социализацией определенном развитии психологических черт личности: насилие представляется следствием и выражением воспитываемого обществом отчуждения личности от самой себя. И одним из средств такого воспитания оказывается христианская религия с ее апологией жертвенности, безоговорочного послушания и беззаветного служения авторитету. При этом женщина, Ева иудео-христианской традиции, рожденная из мужской плоти, т. е. изначально «вторичная» — самая первая виновница несчастий человечества (т. е. мужчин), последовавших за грехопадением, в которое вовлекла мужчину опять-таки именно она. Женщина иудео-христианской мифологии — образ самого первого «Другого», на которого, как известно из психологии, личность проецирует неудовлетворенность собой, свои страхи и несосвершенные стремления. «Другим» становятся и представители иных, не «своих» народов, рас, социальных классов, но это позже в ходе истории, в генетических же мифах самым первым «козлом отпущения» была женщина. Зло, воплощенное в женщине, стало основой структуры всей, как говорит М. Дейли, «фаллической христианской идеологии», где это зло принимает космические масштабы, так как мужская точка зрения на него приписывается самому Богу¹¹. Таким образом, тайна зла вообще принимает форму мифа о злом начале, заложенном в женщине, и это смещает, уводит в сторону фокус внимания в теолого-философском поиске

истинной природы зла. (Заслуга феминизма в том, что он увидел одно из проявлений зла именно в таком смещении фокуса внимания.)

Христианский женский идеал — дева-мать Мария самой своей нереальностью исключает для женщин возможность отвечать ему, тем самым укрепляя ассоциацию их с женщиной-злом Евой и порождая чувство вины в самих женщинах¹². Отчасти поэтому так легко, легче, чем мужчинам, воспринимать они для себя в качестве этического идеала самоотверженность, кротость, пассивное принятие страдания, жертвенную любовь, которые проповедовал Иисус Христос.

Однако учение и сам образ Христа, призывая к жертвенности, могут вызывать не сочувствие, а наоборот — противодействие и нетерпимость — из-за чувства вины у тех, кто не способен следовать этому идеалу. Чувство же вины, согласно психологическим теориям, ведет к агрессии против самого себя, выливающейся в агрессию против других, и тогда фундаментальная потребность человека в общении выражается в ненависти, угнетении и даже войне.

Еще одной чертой, связывающей изнасилования, геноцид и войну, М. Дейли называет групповой в основе своей характер этих трех явлений. Ведь изнасилование — это не только индивидуальный акт, а действие одной группы против другой — мужчин против женщин, а также мужчин против других мужчин. Групповое мышление характеризует и расовые предрассудки, и ксенофобию, питающие и геноцид, и войну¹³.

В феминистской литературе США в 70—80-х годах начал разрабатываться и еще один аспект гендерных отношений — их отражение в самом широком смысле в языке: в истории языка (формирование категории рода), в семантике и словоупотреблении (например, обозначение вида человека словом «мужчина» во многих языках), в речевом поведении¹⁴. Что касается последнего, то установлено, например, что разговоры между мужчинами и женщинами контролируют в основном мужчины — тем, в частности, что прерывают разговор (в подавляющем большинстве таких случаев), что на высказывания женщин с их стороны следует маловыразительная, обескураживающая реакция; женщины же часто оставляют в беседе интересующие их темы и переходят к обсуждению предметов, предложенных мужчинами.

Кэрл Кон написала одну из самых интересных статей по связанной с языком проблематике — о стиле языка специалистов военной промышленности. Она показала, что «техностратегический», как она называет его, язык оборонщиков, будучи глубоко укорененным в евроамериканской культуре, сам является одной из важнейших опор милитаризма¹⁵.

Язык, которым пользуются создатели и испытатели ядерного оружия, вернее, стиль их профессионального языка характеризуют определенные образность и эмоциональная окрашенность. Но, пожалуй, основная особенность профессионального дискурса ядерщиков заключается в том, что он полностью оставляет за своими пределами моральную сторону их непосредственной работы, имеющей целью, как известно, эффективное ведение войны вообще и ядерной в частности. Помимо формул и чисел здесь столько эвфемизмов и абстракций, что слушающему, например, лекцию о ядерных ракетах не придет даже в голову, что результатом деятельности специалистов по ракетам может быть уничтожение сотен тысяч людей, их невероятные страдания, гибель природы. Они говорят о «чистых бомбах», имея в виду ядерные устройства, разрушительная сила которых заключается не столько в радиации, сколько в энергии взрыва; о «хирургически чистых ударах», поражающих «только» военные объекты противника; они называют ракету МХ «оружием уменьшения ущерба», поскольку те предназначены для выведения из строя мощных наземных ядерных установок противника, как будто оставшиеся «в строю» установки не способны произвести невосполнимые разрушения. Человеческие потери называются «побочным ущербом». Кэрл Кон пишет, что

этот язык, повествуя на самом деле о страшных разрушениях, не вызывает тем не менее сильнодействующих «эмоциональных осадков», которые, несомненно, появились бы, если было бы понятно, что планируются массовые убийства и чудовищные опустошения¹⁶.

Далее, совершенно очевидны сексуальные ассоциации ракет и ядерных взрывов, но дело не просто в них самих, а в том, что в манере употребления подобных метафор отражается стереотипная мужская сексуальная психология, подразумевающая стремление «побеждать», «обладать», вообще доминировать. В свете такого понимания и гонка вооружений между супердержавами походит на соревнование в «мужской силе». Как свидетельствует пресса, обретение какой-либо страной собственного ядерного оружия может сравниться американскими политиками и оборонщиками, например, с потерей женщиной невинности, при этом ощущается характерный двойной стандарт мужской оценки такого факта: что позволено США, неохотно позволено другим странам. Парадоксально, что и на отказ какой-либо страны становиться ядерной державой США реагируют некоторым раздражением, подобно мужчине, чьи ухаживания отклоняются¹⁷. В международных отношениях они нередко чувствуют себя «отцом», который «лучше знает» и имеет право иногда принуждать, а иногда и «баловать» «неразумных детей» по своему усмотрению. Во многих случаях поведение США показывает, что они предполагают у себя всю полноту власти¹⁸.

Оборонщики пользуются и образами из сферы домашнего, семейного быта: их ракеты «женятся», у них не батарея ракет, а «питомник новогодних елок», один из видов ядерной атаки называется «формочка для печенья». Они говорят и об уязвимости, выживаемости, об убийстве и даже братоубийстве, но это относится не к людям, а к системам оружия.

Наконец, К. Кон отмечает и еще одну характерную особенность метафоры мышления военных, открытую у мужчин другими феминистами¹⁹ и интерпретируемую в духе психоанализа: военные часто называют созданные ими ракеты «детьми», «малышами», «младенцами», причем мужского пола. Но создатели ядерных бомб, «рожая» своих «детей», не думают, что порождают-то они мощнейших губителей жизни, т. е. в этой распространенной среди создателей оружия метафоре родов как бы нейтрализуется подвластная ядерщикам огромная деструктивная сила.

То же желание присвоить себе созидательную силу просматривается и в употреблении профессионалами-оборонщиками религиозной образности, которая, казалось бы, должна быть полностью изгнана из царства «рационального» мышления ученых. Однако первые испытания ядерной бомбы были названы «Троицей» — Отцом, Сыном и Святым Духом — триединством Создателей (мужского пола), а впечатление от самого взрыва сравнивалось с присутствием при первом дне творения. Проскальзывающее иногда сравнение себя со жречеством указывает не только на очевидную кастовую замкнутость ядерщиков, но и на их претензию на причастность к «высшим» силам и высшей власти.

Само собой разумеется, язык, на котором говорят стратеги-ядерщики, — это язык если не победителей в ядерной войне, то по меньшей мере тех, кто пускает в ход ядерное оружие, а никак не жертв его применения. Описанные К. Кон стилистические особенности несут огромную смысловую нагрузку, формируя вполне определенное отношение к ядерному оружию и войне. Язык как бы стоит между человеком и реальностью ядерной войны, позволяя человеку не думать, просто уводя его от размышлений о смерти, ужасах и страданиях и просто от реальной действительности. Все расчеты, все компьютерные модели относятся не к чему иному, как к абстракции, к «ограниченной ядерной войне», подчиняющейся только своей внутренней логике. В этой парадигме нет места человеческим жизням, хотя теоретически

именно ради их «безопасности» существует и занимает такое большое место в жизни современных обществ военная деятельность.

Но выводы К. Кон идут и дальше: она не просто демонстрирует (на основании собственного опыта общения с оборонщиками), как технотрагический жаргон трансформирует восприятие войны, — она опровергает претензию мышления военных специалистов на рационализм, реализм и объективность, которые в нашей культуре считаются высшими проявлениями человеческого разума. Именно эти предполагаемые качества как бы узаконивают деятельность ядерщиков-оборонщиков в сфере политических проблем, требующих для своего решения, как считается, исключительной объективности и реализма; не случайно военные называют радикальных оппонентов ядерного вооружения «иррациональными», «слишком эмоциональными» и т. п. Однако, как показала К. Кон, одно лишь изъятие человеческой жизни как точки отсчета из профессионального языка отнюдь не лишает этот дискурс ни сильной эмоциональной окраски, ни характерного культурного смысла: здесь ощущаются и токи самозеротизма, и мужское желание гетеросексуального доминирования, и тщеславное чувство принадлежности к элите общества, и волнующее ощущение всевластности, вплоть до возможности уничтожить весь мир. Феминистский или гендерный аспект продемонстрированного К. Кон «деконструирования» технотрагического дискурса состоит в показе именно стереотипно маскулинного характера современного милитаризма и в стремлении научить общество слышать и другие голоса, потенциально не менее влиятельные, но в силу культурной традиции остающиеся приглушенными.

Одна из известных феминистских философов Сара Раддик так же, как и К. Кон, считает необходимым переосмыслить представления о человеческом разуме, особенно в его ассоциации с мужественностью и войной. Она говорит о перераспределении приоритетов в жизни общества и о том потенциале оздоровления мира, который может дать следование в общественной жизни принципам «материнского мышления»²⁰. В основе такого мышления лежит специфический, как считают многие феминистские авторы, женский труд — забота о других, присутствующая во многом из того, что делают женщины, — от родов до ухода за больными и престарелыми людьми, а также животными. Такой труд предполагает отношения близости, связанности с другой личностью, чья автономность, право на отделение тем не менее неизменно уважаются²¹. Ограничение контроля над другой личностью, а не возрастающая власть, ненасильственные действия, терпимость к амбивалентности любых поступков, доброжелательное восприятие перемен — вот суть правильного отношения матери к детям, которое следовало бы распространить на отношения между людьми вообще.

Но главное, чем отличается аргументация С. Раддик, — это стремление реабилитировать тело, человеческую плоть, которая в западной культуре всегда стоит препятствием на пути духа или разума, занятого высшими, трансцендентальными поисками, и потому принижается. Именно женщина, вынашивающая и рождающая новую плоть, выхаживающая больную плоть и облегчающая страдания умирающей плоти, знает ее истинную жизнь и ее истинную цену. Мужчине же «не пристало» заботиться о теле, зависеть от него, жалеть его, свое или чужое. Тем более на войне, где цель всякого солдата — тела врагов. Отрицание телесной жизни, боязнь тела, и особенно сексуальности, как чего-то непредсказуемого и своевольного, играет на руку военным и в том смысле, что повышает роль присвоенного ими инструмента, с которым они готовы подойти к любому непокорному, — дисциплины, добывающейся беспрекословного подчинения. Кроме того, будь отношение культуры к сексуальности более доброжелательным, было бы легче разрушить крепкую ныне связь секса с насилием, болью и разрушением. С. Раддик призывает матерей опровергать и общепринятую убежденность в резком разделении

мужских и женских характеров: ведь у маленьких детей не наблюдается жесткой корреляции личностных качеств с физиологическим полом²².

С. Раддик касается и создаваемого массовой культурой полезного войне образа солдата, «хорошего» солдата, романтического двойника мужчины — убийцы и насильника. Он убивает быстро, без жестокости и при этом страдает, так как ощущает врагов такими же людьми, как он сам, своими братьями. О погибшем солдате говорят, что он пожертвовал своей жизнью ради справедливого дела, «пал на поле брани», и в гробу он, конечно, красив. Такой выдумке, утверждает С. Раддик, надо просто противопоставить реалистический рассказ о настоящих физических страданиях и смерти и заставить людей услышать его²³. Особенно прославляется мужская дружба с однополчанами, чувство единения, о которых с нежностью вспоминают все участники войны. Но если эти чувства действительно имеют место и в них самих нет ничего предосудительного, то плоха и вредна именно их ассоциированность с войной, их «вплетенность» в контекст войны.

Наконец, солдат — это полное воплощение мужественности, а война — полное воплощение условий, в которых она реализуется, место, где позволяют, поощряются и прославляются мужественные действия: проявление физической силы, отбрасывание эмоций, жалости, откровенная и напористая гетеросексуальность — и на деле, и в языке мужского сообщества.

А участь женщин — врачевать уцелевших в войне и оплакивать убитых. С. Раддик, как и многие авторы, осуждает поляризацию и дихотомизацию мужского/женского, резкое разделение ролей и сфер деятельности. При таком положении, действительно, каждому находится дело по его качествам: женщинам — рожать и растить детей, мужчинам — работать. Мужчинам же — разрушать, женщинам — рыдать над тем, что разрушено и погублено. Женские слезы не останавливают мужчину, так как он уверен, что женщинам «положено» быть слабыми и эмоциональными, а слабость и эмоциональность — это хуже, чем стойкость, суровость и рационализм; наоборот, женские слезы даже помогают ему делать свое дело, поскольку подтверждают, что все так, как должно быть.

В одном из самых выразительных исследований о мужчинах, женщинах и войне, т. е. о том, в частности, какую роль война играет в формировании мужской и женской идентичности, его автор Джин Элштейн говорит о колоссальном значении символов, мифов и риторики в создании военной системы как культурного феномена и сохранении ею своего традиционного места в жизни современного общества²⁴. Символический образ «Справедливого Воина», сражающегося за правое дело, возникает в сознании западного человека, как только речь заходит об участии своей страны в каких-либо военных действиях. А провозглашает его на войну, оплакивает, если он падет на поле битвы, выхаживает, если он получает раны в бою, ждет, поддерживая огонь в домашнем очаге, встречает, как героя, и выступает за мир «Прекрасная Женская Душа», которую и защищает Справедливый Воин. Любые действия и высказывания женщин или мужчин, так или иначе созвучные с этими базовыми мифологемами, поддерживают военную систему. Так, призывы к миру и пацифизму со стороны женщин воспринимаются как нормальные, ожидаемые от Прекрасной Души и потому не производят слишком большого впечатления. Из-за неэффективности подобных действий в силу именно их предсказуемости многие женщины осуждают женские публичные акции в защиту мира, против вооружения и т. п.; так восприняли, например, британские феминистки многомесячную акцию женщин у Гринэм Коммон против развертывания в Европе ядерного вооружения²⁵. В то же время мужской пацифизм, наоборот, подрывает образ бесстрашного благородного воина, «не вяжется» с ним, вызывает сопротивление при восприятии, желание восстановить его в целостности и по этой причине также оказывается не в состоянии влиять на милитаризм. Таким образом, на примере отношения к идеологии

пацифизма можно видеть «работу» традиционных стереотипов мужчины и женщины в поддержку военной системы.

Но у действия этих образов есть и еще одна сторона — желание уйти от их господства, из-под их власти, но уйти точно в противоположную сторону. Среди женщин на самом деле совсем не мало таких, которые готовы покинуть дом и пойти на войну, чтобы испытать новые чувства, пожить другой жизнью. Конечно, чаще всего и на войне женщины находятся не в центре событий, т. е. в бою, а на периферии и только обслуживают военные действия и ухаживают за ранеными мужчинами, напоминая им об их женах, о доме и тем самым опять-таки укрепляя традиционные образы в экстремальных условиях войны. Однако известно и прямое, и немалое, участие женщин в военных действиях, хотя оно и представляется «ненормальным»: например, в 1943 г. в советских регулярных частях служило более 800 тыс. женщин²⁶. Объяснение, которое солдаты дают своему участию в боях: желание приблизить наступление мирной жизни, спасти, уничтожая врагов, побольше жизней своих соотечественников, — звучит естественно из уст мужчин, такая же речь со стороны женщин воспринимается нашим сознанием как аномалия. Тем не менее история полна свидетельств участия женщин в боях, в действиях партизан, в демонстрациях поддержки своих воюющих стран, в разработке оружия и т. д.²⁷

Следовательно, реальная история войн, да и мирной жизни, показывает, что далеко не все женщины отвечают стереотипу Прекрасной Женской Души, прирожденной противницы насилия и убийства. С другой стороны, и для современного солдата главной ценностью и целью, возможно, является не физическое уничтожение противника, а защита, сохранение жизни дорогих ему людей (тех 6—7 человек, с которыми он воюет бок о бок), может быть даже ценой собственной жизни. (Американский военный историк С. Л. А. Маршалл считает, например, что в сражениях стреляют всего примерно 15% солдат, во всяком случае не более 25%, так как у них преобладает страх не столько быть убитым, сколько убивать самим²⁸.)

Солдат и мать на самом деле не противоположны, а близки друг к другу тем, что в момент опасности они, забыв высокие абстрактные слова, стараются спасти тех, за кого чувствуют ответственность; тем, что телесная жизнь, кровь, грязь для них в общем-то повседневная реальность; тем, наконец, что и тот и другая испытывают давление стереотипных понятий о том, какими им следует быть²⁹.

Можно было бы упомянуть еще множество выдающихся книг, написанных в русле феминистского дискурса (по крайней мере, не упущу одну: «Чаша и Клинок. Наша история, наше будущее» Р. Эйслер³⁰, в которой автор, привлекая данные археологии, выстраивает символическую историю первобытного общества как переход от духовного господства Чаши — образа женщины, ее власти и ее ценностей, к господству Клинка, ставшего символом власти мужчины и его оружия). Главное, однако, что мне хотелось показать, — это основополагающие подходы феминизма к проблематике, которой традиционно занимались борцы за мир, оставлявшие, как правило, за рамками своего анализа важнейший компонент культуры — дихотомию мужчина/женщина. Феминистские же авторы увидели в войне тот социальный феномен, который расставляет мужчин и женщин по крайним полюсам социально-культурно-психологического пространства, порождает и обуславливает самый глубокий разрыв в представлениях о мужских и женских ролях и личностях. Поскольку вооруженная борьба и война, скрываясь до поры до времени в недрах даже самой мирной политики, на самом деле являются главными инструментами в решении групповых (включая международные) конфликтов — таково, к сожалению, положение вещей сегодня, — изучение парадигмы войны в плане гендерных отношений может немало способствовать развенчанию мифа о мистичности и неистребимости войн в

человеческой жизни. А характерное для философского феминизма как разновидности постмодернистской философии стремление, «деконструируя» дихотомии, смягчить оппозиционность их составляющих, возможно, когда-нибудь скажется на уровне терпимости в человеческих отношениях вообще.

Примечания

- ¹ Flax J. Postmodernism and gender relations in feminist theory // *Signs*. 1987. V. 12. № 4. P. 627.
- ² См. Grimshaw J. *Philosophy and Feminist Thinking*. Minneapolis, 1986; Cade M. *Feminist Philosophers. Women's Perspectives on Philosophical Traditions*. Brighton, 1986.
- ³ Rich A. On lies, secrets and silence: selected prose, 1966—1978. N. Y., 1979. P. 78; Kramarae Ch., Triechler P. *A Feminist Dictionary*. Boston, 1985. P. 323.
- ⁴ Chodorow W. *The reproduction of mothering: psychoanalysis and the sociology of gender*. Berkeley, 1978.
- ⁵ Reardon B. *Sexism and war system*. N. Y. & Lnd., 1985.
- ⁶ Fornari F. *The psychoanalysis of war*. N. Y., 1974. P. XVI—XVII.
- ⁷ Reardon B. *Sexism and war system*. P. 12.
- ⁸ *Ibid.* P. 3.
- ⁹ Daly M. *The Church and the Second Sex*. N. Y., 1968; *eadem.* *Beyond God the Father; Toward a Philosophy of Women's Liberation*. Boston, 1973.
- ¹⁰ Daly M. *Beyond God the Father*. P. 114.
- ¹¹ *Ibid.* P. 47.
- ¹² *Ibid.* P. 60.
- ¹³ *Ibid.* P. 118.
- ¹⁴ См. Michard C., Violette C. *Sex and Gender in Linguistics. Fifteen Years of Feminist Research in the US and Germany* // *Feminist Issues*. 1991. V. 11. № 1.; Thorne B., Kramarae Ch., Henley N. *Language, Gender and Society*. Rowley, 1983; *The Voices and Words of Women and Men*. Oxford, 1980; *Sexist Language: A Modern Philosophical Analysis*. Ed. M. Vetterling, Bragin. Totowa, 1981.
- ¹⁵ Cohn C. *Sex and Death in the Rational World of Defence Intellectuals* // *Signs*. 1987. V. 12. № 4.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 691.
- ¹⁷ Milton T. V. *Nuclear Virginity* // *Air Force Magazine*, 68. № 5. May 1985. Цит. по: Cohn C. *Sex and Death...* P. 696.
- ¹⁸ *Ibid.*
- ¹⁹ Dinnerstein D. *The Mermaid and the Minotaur*. N. Y., 1977; Easlea B. *Fathering the Unthinkable: Masculinity, Scientists and the Nuclear Arms Race*. L., 1983. P. 81—116.
- ²⁰ Fuddick S. *Maternal Thinking. A Politics of Peace*. Boston, 1989.
- ²¹ *Ibid.* P. 130.
- ²² *Ibid.* P. 213.
- ²³ *Ibid.* P. 204.
- ²⁴ Elshtain J. B. *Women and War*. N. Y., 1987.
- ²⁵ Wilson L. *Resistance to Militarism: Greenham Common* // *Newsletter of the Commission on the Study of Peace, IUAES*. 1986. V. 4. № 2.
- ²⁶ Cottam K. J. *Soviet women in combat in World War II: the ground force and the navy* // *International Journal of Women Studies*. 1980. № 3. P. 345.
- ²⁷ См., например, о современности: *Women and the Use of Military Force*. L., 1993.
- ²⁸ Marshall S. L. A. *Men against fire*. N. Y., 1947. P. 77—78.
- ²⁹ Elshtain J. B. *Op. cit.* P. 224.
- ³⁰ Eisler R. *The Chalice and the Blade: Our History, Our Future*. San Francisco, 1988.

Feminism and Problems of War and Peace in American Scholarly Tradition

The paper focuses on how feminist theory applies and contributes to peace studies. By surveying some of the prominent feminists' writings the author attempts to demonstrate the way American feminist philosophers reveal the intimate link between the persistence of war as a social phenomenon and the traditional, «sexist» gender relations prevalent in modern societies. Feminist gender studies expose the seemingly «unshakeable», but problematic and culture-specific oppositions hidden in the imagery and conceptual systems of our politics, ethics and theology, for example those between «culture» and «nature», or «mind» and «body». Man and woman are seen in these systems as a «life-taker» and a «life-giver», or as a militant Just Warrior and a peaceful Beautiful Soul. This cultural ideology itself contributes, among other things, to reinforcing and perpetuation of the war system of the modern developed society.